

МОСГОРСИПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезов
ул. Кирова, 37/6. Тел. 47.
Вырезка из газеты МОЛОДОЙ КОММУ
Воронеж

В. Г. Рощина

Рощиной могла бы позавидовать не одна актриса. За пять лет в Воронежском театре им. XX-летия Ленинского Комсомола ею сыграно больше двадцати ролей. И каких ролей! Здесь и Амаранта в жизнерадостной, брыжущей песалем, комедии Флетчера «Испанский священник», и Диана Бельфлер в «Собаке на сене» Лопе де Вега, и Лиза в «Горе от ума», и Яровая в «Любови Яровой» Тренева. Но Рощина играла не только случайно выпадавшие на ее долю роли первого плана. Можно сказать, что по ней, в известной мере, строился репертуар театра.

Из года в год возвращался театр к Островскому, и почти в каждой пьесе великого русского драматурга была занята Рощина. За пять лет ею сыграны Негина в «Талантах и поклонниках», Катерина в «Грозе», Лариса в «Бесприданнице», Елена в «Женитьбе Белугина» и Коринкина в «Без вины виноватые». Но привязанности театра не ограничиваются одним Островским. Гениальный Шекспир нашел в театре им. XX-летия Ленинского Комсомола своего верного друга. И эта шекспировская линия в репертуаре театра теснейшим образом связана с именем Рощиной. Джульетта, Беатриче, Виола, Катерина — вот роли, сыграть которые мечтают не мало даровитых актрис. Рощиной почти ежегодно приходилось работать над одним из шекспировских образов, причем, как это видно из простого перечня ролей, среди них есть и трагедийные — Джульетта, и комедийные — Беатриче, Катерина, и лирические — Виола.

Читая афишу нового спектакля, многие зрители прежде всего ищут в ней фамилию Рощиной. «Рощина играет — нужно идти смотреть», — говорят зрители. Хорошо это? Да, хорошо. Значит в театре, где главным всегда был и остается актер, творящий образы, есть художник, который способен волновать своей игрой, чье искусство и делает театр театром. Но

иногда это означает и другое — то, что в театре есть актриса, есть отдельные яркие индивидуальности, но нет ансамбля, т. е. нет коллективного творчества, спемтированного единой мыслью и волей режиссера. К сожалению, в театре им. XX-летия Ленинского Комсомола нередко так и бывает. Иные спектакли оставляют отрадное впечатление лишь потому, что в них мы видим талантливую игру Рощиной, или еще какой-либо актрисы и актера.

Недавно Воронежское отделение Всероссийского театрального общества проводило творческий вечер Веры Георгиевны Рощиной. Актриса показала пять отрывков из лучших, по ее мнению, работ. Здесь были Джульетта, Катерина, Елена Кармина, Коринкина и Марина Журавленко из пьесы Л. Левина «Повесть о жемчужине». Зритель одинаково горячо аплодировал и Катерине, и Джульетте, и Елене, и Коринкиной. Зритель горячо любит Рощину, он благодарен ей за те минуты радости, которые она доставляет ему своей игрой, и нужно сказать, что нередко он прощает ей и отдельные неудачи. А между тем не все равноценно в творчестве Рощиной. Это трудно заметить даже тому, кто видел ее хотя бы в отдельных отрывках на творческом вечере. Между ее Еленой и Коринкиной — дистанция огромного размера.

Актриса много играет Островского. Она хорошо чувствует стиль этого драматурга, любит его. Но Островский писал произведения различного жанра — комедии, драмы. Рощина, бесспорно, разносторонняя актриса, ее диапазон достаточно велик, но не все жанры ей одинаково удаются, больше того, даже в пределах одного жанра, например, в комедии она может быть лучше и хуже — одно дело, повторяем, ее Елена, другое — Коринкина.

Елена — лучшее создание Рощиной. Здесь искусство актрисы достигает сво-

Артистка В. Г. Рощина в роли Катерины в комедии Шекспира «Укрощение строптивой».

его наиболее полного и законченного выражения, здесь чувство (главное, как нам кажется, в творчестве Рощиной) счастливо гармонирует с мыслью. Отсюда, мелку прочим, и та нюансировка, та отдалка каждой детали, которые не всегда отличают Рощину — актрису в высшей степени эмоциональную, актрису богатейшей интуиции. Елена Кармина — избалованная, своенравная девушка, чуждая труду, привыкшая всегда и всеми поведовать, но в решающую минуту находящая в себе достаточно сил для того, чтобы не совершить неблагородного поступка — сыграна Рощиной во всем богатстве психологических оттенков и в то же время легко, грациозно, естественно.

Коринкина также, бесспорно, одна из наиболее близких ролей Рощиной, но злую, завистливую, лживую Коринкину актриса играет с испуганным «нажимом», мы бы сказали, даже несколько вульгарно. Излишне резкое подчеркивание отрицательных черт в образе Коринкиной делает его близким к карикатуре. Не этого, конечно, хотел Островский.

Мы видели и Негину Рощиной. Это было пять лет назад, по в памяти сохранился образ чудесной женщины, глубоко чувствующей, страстной в своем призывании служить искусству. Негина — это

талант, который покоряет людей, который подчиняет себе и самое Негину — человека. У Рощиной нашлось много лиризма, много искреннего, неподдельного чувства для образа русской актрисы.

Несравненно бледнее была сыграна ею роль Ларисы Огуловой в «Бесприданнице» Островского. Увлечение лирикой, выпячивание одной черты беспроектного

отчаяния обеднило образ, лишило его разнообразия, романтического размаха. Вообще следует заметить, что «золотая середина» — драма, в большинстве случаев удается Рощиной, реже комедия и трагедия.

На женских образах Островского, сыгранных Рощиной, мы остановились для того, чтобы показать, как актриса, достигшая совершенного выполнения авторского замысла (Елена, Негина), подчас недостаточно глубоко проникает в сердцевину роли — отсюда и появляются у нее образы, которым не хватает полноты выразительности (Лариса), и образы неяркие в каких-то существенных своих чертах (Коринкина). Это означает также, что и режиссура, которая работает с Рощиной, не всегда умеет поправить актрису. Надеясь на ее талант и опыт, режиссура иногда только берет то, что принтит с собой актриса, ничего не давая ей взамен, не обогащая ее своим пониманием действительности, раскрываемой в драматургии.

Рощина, заметно выросшая за последние годы, многим обязана шекспировскому репертуару. Труднейшую роль Джульетты она сыграла глубоко эмоционально, искренно и правдиво. Именно в этой трагедии страсти ее темперамент, ее меч-

тания нашли себе достойнейший и благороднейший материал. В трагической роли Катерины из «Грозы» Островского актрису связывал быт, в Джульетте можно было жить сильными чувствами, глубокими страстями, освобожденными от подобной оболочки.

А ее Амаранта и Диана Бельфлер? Сколько лукавства и хитрости было в Амаранте — этой «желе-жемчужине», обводящей вокруг пальца своего старого мужа, скупого стряпчего Бартолуса. Диану Бельфлер можно было сыграть пустоватой светской дамочкой, капризной и ограниченной. Рощина увидела в ней женщину, поступками которой движет сильная любовь. Такой подход к образу, конечно, намного вернее и тоньше. И вот вслед за этими блестящими комедийными ролями, созданными Флетчером и Лопе де Вега, — комедийные образы Шекспира. Именно в них Рощина достигает той замечательной легкости, той остроты выразительности, которые являются главнейшими приобретениями ее в последние годы.

Беатриче («Много шума из ничего») богата умом и чувством, в ней интеллектуальное и чувственное образуют счастливое гармоническое целое. Рощина показывает зарождение яркой и сильной любви в этой девушке, любви, которая притупляет стрелы ее остроумия. Но если в Беатриче нас порою не удовлетворяло, как актриса рисовала любовь своей героини (местами она казалась уж слишком умудренной опытом), то следующая шекспировская роль — Виола в «Двенадцатой ночи» сыграна ею поистине безупречно. Вот здесь особенно пригодился лиризм Рощиной. Ее Виола полна внутреннею изящества, чистоты, обаяния. И тогда, когда Рощина превращалась из Виолы в Себастьяна, мы только удивлялись и радовались. В одном спектакле, в одном и том же гриме актриса создавала два различных, но одинаково верных образа.

Сейчас Рощина играет Катерину в «Укрощении строптивой». Это новый шаг вперед в овладении актрисой шекспиров-

скими образами. Темпераментную Катерину она играет очень уверенно, сочно, легко, в хорошем ритме, с настоящим залогом, с «перцем» и «солью», на которые так щедр был Шекспир. Есть в ее Катерине и внешняя грубоватость, скрывающая горячее сердце, и глубокий ум, порой изощряющийся в рискованных островах, и сильное свежее чувство. Мы уверены, будь изобретательней в этом спектакле режиссер, умеющий глубоко вскрывать шекспировский текст, Катерина была бы еще интереснее, ибо Рощина уже в значительной мере овладела трудной легкостью Шекспира.

Очень мало пришлось играть актрисе в советских пьесах. Ничем не примечательная Варка в «Думе о Британке» Яновского, анкетная, схематичная роль Марины Журавленко, спасаемая, главным образом, самой актрисой, ее обаянием, ее мастерством и, наконец, Любови Яровой. Но в «Любови Яровой» Рощиной понастоящему удалась Панова, а не содержательная драматическая роль Яровой, которая была сыграна ею неглубоко, с налетом неврастеничности.

На примере Яровой еще раз подтверждается, как Рощиной — этой талантливой артистке, наделенной от природы большой интуицией, обаянием и хорошей эмоциональностью, нужно искать новых выразительных средств, как ей нужно обогащать свое мастерство, путем глубокого проникновения в самую суть каждого нового образа — в его интеллектуальное начало. В этом ей может помочь лишь смелый режиссер, режиссер-художник.

Рощина, как и многие актрисы, мечтает создать героический образ современной советской женщины. Мы верим, что наши драматурги скоро напишут еще немало ярких, волнующих ролей. И тогда Вера Георгиевна Рощина, обогатившая себя в работе над образами классической драматургии, отточившая свое мастерство на Шекспире, создаст волнующий портрет своей современницы — гордой духом, счастливой советской женщины.

Н. САДКОВОЙ.